



Мия Нетрос

Предатель

Врачебная ошибка

Мия Петрос

Предатель. Врачебная ошибка

<https://litres.ru/74206159>

Аннотация

Из-за нелепой ошибки в медцентре я ношу ребенка от чужого мужчины-донора. Ребенок долгожданный, и я не смогу просто так от него избавиться. Зато муж сразу же отказался от меня, выставив из квартиры с одним чемоданом. А мое место тут же заняла любимая подруга. Больно? Безусловно. Но меня больше заботит, кто отец моего малыша? И не предъявит ли он на него свои права.

*Хеппи Энд

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1

— Ты знаешь, как мне был важен наследник! Это условие отца, чтобы получить долю в его бизнесе! — его голос дрожал от напряжения, а глаза горели огнем.

— Знаю, но не понимаю, что сейчас происходит... — я держалась за большой живот, который ходил ходуном, как будто пытался защитить меня от этого кошмара.

Слезы уже бежали по моему лицу, оставляя соленые дорожки. Костя постоянно на меня кричал, срывал злость. Во всех его неудачах была виновата я, и я не могла больше это выносить. Его слова ранили меня, как острые ножи, проникая глубоко в сердце. Я чувствовала себя сломленной, опустошенной.

Сейчас я вернулась с очередного скрининга. Врач подтвердил пол малыша — мальчик. Мы с мужем ждали сына, которого он так жаждал. Мы прошли ад ЭКО, но я смогла забеременеть от последней подсадки. Я сделала все, чтобы он любил меня, но, кажется, все было напрасно.

Я чувствовала, как внутри меня растет не только наш сын, но и боль, которая разъедала меня изнутри. Как мне справиться с этим? Как защитить себя и нашего ребенка от этой жестокости?

Сейчас на пороге нашей квартиры я чувствовала, как теряю опору. Пара чемоданов стояла возле моих ног, словно

молчаливые свидетели моего краха.

— Костя... — мой голос дрожал, как лист на ветру.

Он сунул мне в лицо несколько бумажек с печатями, его глаза горели ненавистью и презрением.

— Это тебе на память от клиники «ЭКО»! — его голос был холодным, как сталь. — Ты носишь сына не от меня, а от неизвестного донора!

Слова мужа разрывали мою душу на части. Внутри меня все рушилось, как картонный домик. Истерика подкатила к горлу, и я едва сдерживала слезы.

— Да что ты такое говоришь... — голос сорвался, и я не смогла закончить фразу.

Муж даже не пустил меня на порог квартиры. Он стоял передо мной, как стена, его лицо было непроницаемым, а глаза — ледяными. Я чувствовала себя ничтожной, как будто больше не существовала для него.

За его спиной появилась Татьяна, завернутая в одно полотенце. Она изобразила смущение, но ее взгляд был полон торжества. Она быстро исчезла в спальне, оставив меня наедине с болью и унижением.

Костя отреагировал агрессивно, переложив на меня всю вину.

— Что? — его голос был полон ярости. — У тебя то токсикоз, то ты плохо себя чувствуешь, то лежишь на сохранении! А я мужчина! — он сунул мне в сумку документы, которые держал в руке. — Все, пока!

И захлопнул передо мной дверь. Мои чемоданы были моими единственными спутниками в этом аду.

Я балансировала на грани, и единственным человеком, которому я могла сейчас позвонить, была мама. Подругу я потеряла, а больше у меня никого не осталось. Она была моим островком стабильности, моим надежным тылом. Я не знала, что делать дальше, как жить.

— Мам... — мой голос дрожал, я с трудом смогла произнести это слово. — Костя меня выгнал.

— Господи! — воскликнула она. — Что этот ирод еще придумал?

Слезы текли по щекам, и я не могла их остановить. Я чувствовала себя опустошенной, словно из меня выкачали всю жизнь. Внутри все сжалось от боли и страха. Я не могла дышать, не могла думать.

— Мам... мне плохо... — только и смогла выдавить из себя и села, держась за стену, прямо на ступеньку лестницы в подъезде.

— Где ты? Возле квартиры? Бегу, держись!

Мама жила всего в квартале отсюда. Зная ее характер, она будет здесь через десять минут. Ее старенький «Жук», маневренный и быстрый, домчит в мгновение ока.

Главное — не начать рожать. Эта мысль пугала меня больше всего. Мне ходить еще пять недель... Я не была готова стать матерью-одиночкой сейчас, когда мир рушился на глазах.

Не понимала, что происходит. За что он так со мной? И что он имел в виду, говоря о другом отце? Вопросы крутились в голове, словно рой разъяренных пчел, которые жалили, не давая покоя.

Я не была уверена, что смогу это пережить. Мне казалось, что земля уходит из-под ног, и я вот-вот упаду в бездну. Но обещание мамы быть рядом давало мне силы. Я знала, что она не оставит меня одну.

Костя всегда был моей опорой, моим защитником. Я не могла поверить, что он мог так поступить. Что я сделала не так? Почему он решил разрушить все, что у нас было? Мысли разрывали меня на части, оставляя после себя лишь пустоту и боль.

Я сидела на лестнице, чувствуя, как холод проникал в тело, а слезы продолжали бежать по щекам. В голове крутились воспоминания: наши прогулки, наши разговоры, наши счастливые моменты. Все это исчезло, словно дым.

Совершенно не понимала, что делать дальше. Как жить, если все, что у меня было, исчезло? Как смотреть в глаза маме, зная, что я не могу справиться сама?

— Детка, вставай, простынешь! — мама уже была рядом, я даже не слышала, как она поднялась на третий этаж. — Перестань плакать. Нам нужно доносить мальчика. Подумай о ребенке.

Она понимала меня с полуслова. Ее лицо, обычно мягкое и доброе, сейчас было решительным. Мама мягко взяла ме-

ня за плечи и повела вниз. Мы вышли из подъезда к припаркованному автомобилю. Она помогла мне сесть и пристегнула ремень безопасности. Потом вернулась за чемоданами и закинула их в багажник.

— Мам... Но Костя... Как же он? И там Таня... — всхлипывала я.

— Вот тебе и ответ. Этот твой козел не пропадет. Таня не бросит столь лакомый кусок.

— Мам... Это ошибка. Мне надо вернуться, — упрямилась я.

— Сиди! А то в больницу увезу, — пригрозила она, усаживаясь на водительское место. Завела машину и, не глядя на меня, тронулась с места. — Я сейчас с гордостью могу сказать: я была права. Твой Костя — козел!

— Мам... — я начала рыдать еще сильнее. Слезы катились по щекам, и я чувствовала, что они намочили воротник водолазки.

Мама молчала, сосредоточившись на дороге. За окном мелькали дома, деревья и люди. Я пыталась представить, что сейчас происходит дома, но мысли путались. Костя... Таня... Как он мог так поступить?

Машина резко затормозила на светофоре, и я вздрогнула. Мама повернулась ко мне и, улыбнувшись, сказала:

— Все будет хорошо, милая. Мы справимся. Ты сильная, и я рядом.

В этом у меня были сомнения...

Но в ее глазах я видела страх. Она боялась за меня. Боялась, что я никогда не смогу забыть Костю и найти в себе силы двигаться дальше.

В этот момент я поняла, что она тоже страдает. Страдает не меньше меня. И от этого мне стало еще больнее.

Наша двушка встречала тишиной, которую теперь нарушал лишь мой тихий плач. Кот Черныш, обычно игривый и любопытный, смотрел на меня с удивлением, словно пытаюсь понять, что со мной происходит. Его глаза, блестящие и живые, сейчас казались грустными.

Усадив меня в прихожей на пуфик, мама ушла за чемоданами. Я слышала, как она передвигается по подъезду, как звенит замок чемодана, как шуршат колеса, когда она втаскивает их в зал. Все эти звуки казались далекими и нереальными.

Вернувшись, мама присела рядом со мной, сняла с меня потрепанные кроссовки и бережно поставила их у двери. Ее руки были теплыми и нежными, и от этого прикосновения я почувствовала себя немного лучше.

— Пойдем, — тихо сказала она, поднимая меня и ведя к дивану. Усадив меня на него, она присела рядом и взяла мои руки в свои. — Теперь рассказывай.

Я всхлипнула и тихо произнесла:

— А нечего... Только вот это... если что-то объяснит...

Я достала из сумки смятые листки бумаги и протянула их маме. Она взяла их осторожно, словно боялась, что они рас-

сыпятся в ее руках.

— Можно я полежу? — спросила я, чувствуя, как по щекам текут слезы.

Мама всполошилась, ее глаза наполнились тревогой. Она забрала сумку и помогла мне улечься на диван. Подсунула под голову подушку, укрыла теплым пледом и гладила меня по спине, словно пытаюсь успокоить. Меня знобило, и я знала, что это не просто холод. Это было чувство одиночества, страха и боли, которые я не могла объяснить словами.

— Все будет хорошо, — прошептала мама. — Я рядом.

Прикрывая глаза, я увидела, как она уходит, унося с собой сумку и документы. Дверь зала тихо закрылась за ней, оставляя меня в пустоте. Ко мне запрыгнул Черныш, его теплая шерстка и знакомое урчание стали моим спасением. Он устроился на пледе, положил голову мне на живот и громко замурлыкал, как будто пытался утешить.

— Хоть кому-то я не безразлична... — прошептала я, поглаживая его. Ладонь согревал мягкий теплый бок, но внутри меня все еще был холод предательства. Слезы закончились, а боль не утихала. Котик дарил мне тепло, которого было слишком мало, чтобы растопить этот лед.

Я уснула, выбившись из сил. Сон был тяжелым и беспокойным, как всегда, когда что-то тревожит душу. Проснувшись, я долго лежала, прислушиваясь к звукам квартиры. Сердце билось часто, как будто я все еще бежала от чего-то. Дверь в зал была приоткрыта, и я видела, как кот, задрав

хвост, уходил, словно чувствуя мое состояние. Мама что-то тихо ему говорила, ее голос был мягким, но в нем звучала нотка грусти. Наверное, она его стыдила, как часто делала, когда он шалил.

Я откинула плед и села, спустив ноги на прохладный ковер. Комната была наполнена мягким светом вечернего солнца, но он не приносил облегчения. Погладила живот, и мой маленький сынок притих, словно почувствовал мою тревогу. Я знала, что он тоже напуган слезами, которые я не могла сдержать.

Они снова тихо катились по щекам, но я не пыталась их вытереть.

Поднялась и пошла на звук маминого голоса, который слышался как будто издалека, тихий и заботливый, но в то же время наполненный тревогой. Увидев меня, она всплеснула руками, ее лицо исказилось от огорчения и боли.

— Тебе надо перестать плакать, — сказала она, ее голос дрожал от волнения. — Слезами горю не поможешь.

Мама усадила меня за стол и налила в тарелку горячего супа. Его аромат обычно действовал на меня успокаивающе, а сейчас я его совершенно не чувствовала.

Она поставила передо мной тарелку, положила ложку на салфетку, подвинула хлебницу и вазочку со сметаной. Ее движения были резкими, как будто она пыталась сделать все быстро, чтобы я не успела отказаться.

Посмотрела на суп, и меня охватила волна отвращения.

Как я могла есть, когда все внутри меня сжималось от боли? Набрал в ложку бульона, с трудом заставила себя поднести ее ко рту.

Попыталась проглотить, но в горле встал ком, который невозможно было сдвинуть. Слезы снова подступили к глазам, и я, зажав рот, вскочила и убежала в ванную. Там, в тишине, упала на колени и разрыдалась.

— Если ты не перестанешь убиваться по этому козлу, я вызову скорую и отправлю тебя в больницу! — голос мамы дрожал от волнения.

В груди все еще саднило от боли и разочарования. Я была раздавлена. Казалось, весь мир рухнул в одно мгновение.

— Лучше в клинику «ЭКО», я должна рожать там по договору! — прошептала я, стараясь не расплакаться. Слезы снова начали подступать к глазам.

— Они вернули деньги за операцию, — сказала мама, тяжело вздохнув. Ее голос звучал устало. — Рожать и наблюдаться ты теперь будешь в нашей больнице.

— Почему они это сделали? — я забыла, что плачу. Вскочила с колен. Умылась холодной водой, пытаюсь прийти в себя. Сердце все еще колотилось, а в голове царил хаос.

Мама тихо выругалась и, схватив меня за локоть, повела обратно на кухню. Усадила за стол, заботливо убрала еду и поставила передо мной кружку с горячим чаем. Несмотря на ее тепло и поддержку, я все еще не могла успокоиться.

— Выпей, это поможет, — сказала она мягко, но настой-

чиво.

Я взяла кружку дрожащими руками и сделала глоток. Мелисса немного успокоила желудок, но боль в сердце никуда не делась.

Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь тихим шелестом листьев за окном. Мама продолжала держать меня за руку, словно боялась, что я снова убегу. Я знала, что она любит меня и хочет помочь, но сейчас мне было так больно, что я не могла найти в себе силы ответить ей.

— Мам, где документы, которые мне дал Костя?

— Вот они, — она положила разглаженные листки на стол. — Тут говорится, что клиника очень сожалеет. Они утверждают, что сотрудники допустили ошибку при внедрении чужого материала. В тексте много воды, но они в знак доброй воли возвращают тебе все потраченные деньги. Конечно же, на счет Кости...

— Я ничего не понимаю, мам! — я посмотрела на нее умоляющим взглядом.

— Да как тут не понять? — мама тяжело вздохнула и села напротив меня. — Яйцеклетка твоя, но отец не Костя. В документе четко прописано, что они не могут разглашать имя анонимного донора.

Я молча уставилась на стол, чувствуя, как внутри все переворачивается.

Мама сжала мою руку.

— Все будет хорошо, — сказала она тихо. — Мы спра-

вимся. Главное — это здоровье и счастье нашего малыша. А все остальное... мы переживем!

Она обняла меня, и я почувствовала, как тепло ее рук успокаивает меня.

Но в глубине души, я знала, что это будет непросто. Как теперь смотреть в глаза Косте? И как жить с мыслью, что наш ребенок не будет нашим в полном смысле этого слова?

Вопросы без ответов крутились в голове, как бесконечный вихрь.

Глава 2

Утром я еле смогла встать. Голова болела, силы словно покинули меня, и каждое движение давалось с трудом. Дома как будто все вымерло. На часах было около одиннадцати утра.

Я прошла в ванную, умылась холодной водой, надеясь, что это поможет прогнать остатки сна и хоть немного прояснит голову. Потом вернулась в кухню, где меня встретил только кот, уютно устроившийся на подоконнике. Он посмотрел на меня своими большими зелеными глазами и, мурлыча, потерся о мою руку. Я погладила его за ушками и почувствовала, как немного отпустило напряжение.

Есть мне не хотелось, но я решила, что чашка чая поможет мне немного взбодриться. Налила в кружку заварку, добавила немного сахара и поставила ее на стол. Пока ждала, когда закипит чайник, подошла к окну и посмотрела на улицу. Там было тихо, лишь изредка проезжали машины.

Входная дверь хлопнула, и в коридоре послышались шаги. Мама вернулась домой. Она занесла в квартиру несколько больших свертков и пакетов, которые с трудом держала в руках. Бросив их на пол, она устало вздохнула и разулась. Потом пошла в ванную, чтобы помыть руки.

Когда она вернулась на кухню, ее взгляд остановился на мне. Она снова вздохнула, но на этот раз с легкой улыбкой.

Подойдя к плите, налила в мою кружку кипятка. Я не сразу заметила, что забыла о ней. Она поставила чашку на стол и села напротив.

— Привет, — сказала мама, слегка наклонив голову. — Как ты себя чувствуешь?

Я слабо улыбнулась в ответ.

— Не очень, — призналась я. — Голова болит, и вообще... будто силы закончились.

Мама кивнула, понимающе глядя на меня.

— Это нормально после вчерашнего. Давай я тебе что-нибудь приготовлю?

— Нет, спасибо, — отказалась я. — Просто чаю будет достаточно, — я втиснулась в узкое пространство стола, придерживая живот рукой.

Она встала, чтобы взять что-то из холодильника. В этот момент я заметила, что под глазами у нее залегли темные круги, а руки слегка дрожали.

— Ты тоже плохо спала? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко.

Мама посмотрела на меня и улыбнулась.

— Можно и так сказать. Работы много, а времени мало. Но ничего, справимся.

Она вернулась к столу, держа в руках тарелку с бутербродами.

— Вот, возьми. Тебе надо немного перекусить.

Нехотя взяла бутерброд и поняла, что действительно го-

лодна. Мама села рядом с кружкой кофе, наблюдая за мной.
— Что в пакетах? — поинтересовалась я.

Мама молча встала и развернула один из них, и я увидела аккуратно сложенные детские вещи: пинетки, погремушки, первые игрушки, маленькие книжки. Все это когда-то было с любовью упаковано в красивые коробочки и подарено на рождение внука. Но сейчас эти милые мелочи выглядели, как осколки разбитой мечты.

— А это то, что я дарила на рождение внука... — мама с трудом произнесла эти слова, голос ее дрожал. — Танечка была столь «любезна», что все собрала и даже помогла впихнуть в машину. Здесь еще не все, в машине остались кровать и коляска.

— Она там... — горло перехватило, и я с трудом сглотнула ком в горле. — С Костей?

Мама кивнула, не глядя на меня. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, словно она пыталась найти там ответ на свои вопросы.

— Да, дорогая. И она не собирается покидать его квартиру. Радостно сообщила мне, что Костя уже подал заявление в суд на развод. И заодно приложил документы о том, что ребенок не его. — Мама говорила сквозь зубы, сжимая кулаки. — Козел... И отец его такой же. Я ему позвонила, а он говорит: это не мои проблемы!

Я закрыла глаза, пытаюсь справиться с волной боли, но слезы все равно потекли по щекам, оставляя горячие дорож-

ки на коже.

— Мам... — прошептала я, чувствуя, как голос срывается.
— Как мне дальше жить без него?

Мама нахмурилась, и на мгновение мне показалось, что она сейчас скажет что-то резкое, что еще больше ранит меня. Но вместо этого она подошла ко мне, обняла и крепко прижала к себе.

— Ради ребенка, — сказала она тихо, но твердо. — Ты должна быть сильной, Ксюша. Ради него.

Я кивнула, уткнувшись в плечо мамы, и почувствовала, как сердце разрывается на части. Слезы текли по щекам, и я не могла их остановить. Внутри меня бушевала буря эмоций: боль, отчаяние, страх. Я знала, что мама права, но ее слова не приносили облегчения. Ради сына я должна найти в себе силы жить дальше, но как это сделать, когда кажется, что жизнь потеряла всякий смысл?

— Мне не нравится твое состояние, — мама отстранилась, ее голос был твердым, но в нем звучала тревога. Она взяла телефон и, нахмурившись, посмотрела на экран. — Я запишу тебя к врачу. Кстати, все твои документы я тоже привезла. Их отправили на адрес Кости, но нам они сейчас нужны, тебя без них не примут в гинекологии.

— Да, я только была у врача, — я вытерла лицо салфеткой, пытаясь успокоиться, но слезы продолжали течь. — У меня там был хороший доктор, Даниил Викторович. Жаль его менять, — вздохнула я, вспомнив обаятельного мужчи-

ну, который пытался помочь, но не смог.

Мама меня не слушала. Она уже набирала номер регистратуры, ее пальцы нервно барабанили по экрану. В трубке что-то щелкнуло, и она начала говорить, ее голос становился все более резким и требовательным.

— Как это нет врачей? А если нам срочно? Да, запишите вне очереди, хоть так! Мы не можем ждать неделю! — она отключилась и снова взглянула на меня с тревогой. — Сегодня идем на прием, и я с тобой. Попрошу направление к психотерапевту!

— Может, не нужно? — я снова расстроилась, чувствуя, как внутри все сжимается. — Я понимаю, что мое состояние — это не нормально, но я ничего не могу с этим поделать.

Мама посмотрела на меня с сочувствием, но ее решимость была непоколебима.

— Ты справишься, — тихо сказала она, кладя руку мне на плечо. Мы справимся вместе. Давай, я схожу за остальными вещами. А ты пока поищи, что наденешь на прием к врачу!

Я доела бутерброды, запивая их чаем, пока мама ходила за вещами из машины. Куча коробок и пакетов росла на полу, а я с горечью смотрела на нее. Все это должно было быть в детской комнате в уютной квартире Кости. Но теперь оно здесь, в маминой двушке, среди ее вещей и воспоминаний.

Внутри меня бушевала буря эмоций. Грусть сменялась отчаянием, а затем — безысходностью. Почему все это происходит именно со мной? Чем я провинилась, что судьба так

жестoko обошлась со мной? Почему именно я должна была потерять то, что было так дорого?

Слезы подступали к глазам, но я изо всех сил старалась их сдержать. Я не могла позволить себе слабость. Нужно было собраться с духом и продолжить, но внутри меня все кричало: «Почему? За что?»

Умывшись, я отправилась в зал, прихватила пару пакетов и положила их у свободной стены. Открыв один из чемоданов, я достала джинсы на лямках, тонкую водолазку и комплект белья. То, в чем я была вчера, мама забрала в стирку, поэтому я ходила по дому в ее старом халате и сорочке.

Мама, перетащив все вещи в зал, огляделась. Места явно не хватало, и она нахмурилась, оценивая объем вещей.

— Завтра на работу, мне сегодня пришлось отпрашиваться, — сказала она, присаживаясь на край дивана. — На выходных займемся этой стенкой. Поглядим, что в диване, выкинем все ненужное. А то я все откладывала-откладывала, а там уже три поколения утрамбовывают вещи! — Она указала на старинную стенку, которая занимала почти всю стену. — Пора бы и ее заменить на что-то современное. Эта уже совсем старая, скрипит и, того гляди, развалится.

Я кивнула, понимая, что мама давно собиралась это сделать, но руки не доходили. Стенке, казалось, было столько же лет, сколько и нашему дому. Она была массивной, с резными узорами, которые местами облупились, а местами были покрыты пылью. В углах стояли старые коробки и чемоданы,

которые мама привезла из деревни, когда вышла замуж.

— Мам, это дорого, — отмахнулась я. — Просто наведем порядок, и все, — снова вздохнула я. — А я завтра съезжу на работу. Мне так и не выплатили декретные, хоть немного денег получу.

Мама всплеснула руками:

— Ты беременна, а собираешься ехать в общественном транспорте? Это же опасно!

Я устало пожала плечами:

— Три остановки на трамвае — это рядом. И не в утреннюю давку, конечно же.

— Но там столько людей! А вдруг кто-то толкнет? Ты только представь, как это может быть опасно!

— Понимаю, мам, но у меня практически нет денег на такси. Вчера последние отдала, ездила в клинику. А это действительно далеко.

Она нахмурилась, но потом смягчилась:

— Ладно, я понимаю. Постарайся не нервничать.

Я кивнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Мне так хотелось, чтобы все было проще и не приходилось выбирать между комфортом и необходимостью.

— Хорошо, мам. Спасибо, — тихо сказала я.

— Все будет хорошо. Мы справимся.

Мы помолчали, а потом она обняла меня.

Я уткнулась в ее плечо, чувствуя, как тепло ее рук помогает мне собраться с силами.

Пообедав, я переоделась, и мы поехали в больницу. Коридор был переполнен: люди стояли в очереди, разговаривали, кто-то плакал, а кто-то тихо переговаривался с соседями. В воздухе витал запах лекарств, дезинфекции и тревоги. Мама взяла меня за руку, и мы двинулись вперед. Мы нашли свободное место у окна, где стояли несколько деревянных стульев. Мама села, я устроилась рядом, прислонившись к ее плечу.

Ожидание казалось бесконечным. Я посмотрела на маму, и она улыбнулась, стараясь подбодрить меня. Я знала, что ей тоже тяжело, но она старалась не показывать этого.

В регистратуре, когда заводили карточку, сказали, что придет новый врач, и сразу прикрепили меня к нему.

Я даже успела задремать, прислонившись к маме. Мне снился Костя. Он был таким, каким я его помнила: с добрыми глазами, мягкой улыбкой и ласковым голосом. Он говорил что-то нежное, и я чувствовала, как тепло разливается по моему телу. Я улыбнулась во сне, но вдруг проснулась от маминых прикосновений.

— Ксюша, — тихо сказала она, поглаживая меня по руке, — нам пора!

Я кивнула, чувствуя, как глаза снова наполняются слезами. Мама протянула мне пачку салфеток. Я вытерла лицо и встала, опираясь на мамину руку. Мы двинулись к кабинету, и я старалась не смотреть на людей вокруг.

Когда мы подошли к двери, она неожиданно открылась,

и из кабинета вышла женщина. Мы вошли внутрь, и я оказалась в небольшом, но уютном кабинете. На стене висели дипломы и фотографии, а на столе стояли цветы.

— Даниил Викторович? — удивленно произнесла я, узнав своего врача из платной клиники. Его появление здесь, в обычной городской больнице, где я оказалась, было неожиданным.

— Ксения Станиславовна? Что вы здесь делаете? — спросил он, стараясь скрыть растерянность в голосе.

— А вы? — я не смогла сдержать слез, которые внезапно навернулись на глаза. Мама, стоявшая рядом, быстро усадила меня на кушетку и передала документы акушерке.

— Я здесь теперь работаю, перевелся поближе к дому, — объяснил он, стараясь говорить спокойно, но я заметила, как его взгляд скользнул по мне, а затем он отвернулся. — В платной клинике была подработка, пока не найду что-то постоянное. Доведу последних беременных и ухожу. Хотя, в общем-то, это были только вы, новых пациенток я не брал.

Я кивнула, пытаюсь справиться с волнением. В голове крутились мысли: как он здесь оказался? Почему именно сейчас?

Мой врач — мужчина видный, интересный и с уверенной осанкой. У него внимательный взгляд и добрая улыбка. Он всегда тщательно готовился к приемам. В клинике медсестры не просто вздыхали при его появлении — его манера общения и умение находить подход к пациентам вызывали вос-

хищение. Его авторитет и спокойствие в любых ситуациях делали его настоящим оплотом надежности. Я была откровенно рада, что именно он будет вести мою беременность.

Мама села рядом, а я осталась стоять, глядя прямо в глаза врачу. Его взгляд был теплым и понимающим, что немного меня успокоило. Он предложил мне присесть, и я, благодарно кивнув, осторожно опустилась на краешек стула.

Стул был старым, обивка местами вытерлась. Мои ноги дрожали, но я старалась не показывать этого.

Напряжение, сковывающее меня с самого утра, постепенно отпускало. Это было похоже на то, как распускаются цветы после дождя — сначала робко, а затем все смелее и увереннее.

В этот момент мне стало чуть легче.

Глава 3

Врач, заметив, что я немного расслабилась, мягко улыбнулся и начал задавать вопросы. Его голос был ровным и спокойным, вызывая доверие. В его глазах читалось сочувствие, и это придало мне сил.

— Так получилось, что и мы теперь будем здесь наблюдаться, — вмешалась мама. — Но нам бы направление к хорошему психотерапевту... У нас сложная ситуация!

В это время зазвонил телефон на столе, и акушерка, взяв трубку, ответила, а затем вышла из кабинета, сказав, что пришли результаты анализов пациенток.

Врач внимательно посмотрел на нас обеих, его взгляд стал более серьезным.

— Я понимаю, что ситуация непростая. Давайте начнем с того, почему вы здесь? — уточнил он.

— Отец ребенка — не мой муж, — начала я, стараясь сдержать слезы. — В клинике перепутали пробирки.

Даниил Викторович нахмурился, его брови сошлись на переносице.

— Это ужасно, — тихо сказал он. — Но ведь это не значит, что ребенок не ваш?

— Клиника признала ошибку и вернула деньги за ЭКО, — добавила мама. — Но ее муж узнал об этом и выгнал ее из дома. Он подал на развод, и теперь она в отчаянии.

Врач внимательно слушал, не перебивая.

— Ситуация действительно сложная, — согласился он, — но я помогу вам найти хорошего психотерапевта. Давайте я постараюсь сделать это как можно быстрее.

Слезы покатались по моим щекам.

Врач посмотрел на меня, затем на маму, и его взгляд стал еще более сочувствующим.

— Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам, — сказал он. — Мы найдем хорошего специалиста и составим план лечения. Но для начала вам нужно успокоиться и не паниковать.

Он выглядел растерянным, словно его что-то тревожило. Его пальцы нервно теребили мою медицинскую карту, а взгляд то и дело возвращался ко мне, будто он пытался найти в моих глазах ответы на свои вопросы.

— А вы знаете, с чьим материалом случилась путаница? Может, стоит обратиться к тому мужчине? — его голос звучал неуверенно, словно он сам сомневался в своих словах.

— Это анонимный донор, — всхлипнула я, чувствуя, как слезы подступают к глазам.

В этот момент вернулась акушерка с кипой бумажек в руках. Она выглядела сосредоточенной, но в ее глазах промелькнула тень сочувствия.

— Так. Давайте разберемся с анализами. Некоторые нужно будет сдать завтра утром, — доктор протянул мне назначения с моей фамилией и снова записал меня на прием.

Он бросил взгляд на акушерку, которая, заглянув в экран компьютера, кивнула.

— Есть окно на понедельник, на девять сорок, — она сделала запись и подала мне талончик с датой и временем.

— Психотерапевта поищу, при больнице его нет. Пока выпишу вам успокоительное, которое можно в вашем положении. Можете идти, — он сунул мне еще один листик, и я приняла его, чувствуя, как внутри все сжимается от тревоги.

Медсестра вернула мои документы, и мама, подхватив меня под руку, вывела из кабинета. Мы молча шли по длинному коридору, и каждый шаг отдавался болью в сердце.

Вернулись домой, успев заехать в магазин и аптеку. Я помогла маме разобрать пакеты, и ее благодарность согрела меня, но в сердце все еще оставался горький осадок. Приготовили ужин — простая еда показалась безвкусной. Вечер провели перед телевизором, но я не могла сосредоточиться на экране. Мысли то и дело возвращались к Косте.

День был тоскливым и очень длинным. Казалось, что время тянется бесконечно, как бесконечна моя боль. Я лежала в постели, глядя в потолок, и слезы тихо катились по моим щекам. Телефон лежал рядом, но я боялась его проверить. Вдруг там будет сообщение от Кости? Вдруг он все поймет и вернется? Но я знала, что надежды мало.

Перед сном я все же заглянула в телефон в надежде получить долгожданную смс, что он зовет меня обратно, скучает и жалеет о своем решении. Но там было пусто. Ни звука, ни

сообщения. Как будто вся моя жизнь теперь будет такой — пустой и холодной.

Я погладила большой живот и тяжело вздохнула. Внутри меня рос маленький человечек, который ни в чем не виноват. Он не просил, чтобы его отец ушел, не просил, чтобы меня бросили. Смотрела на свой живот и шептала:

— Ничего, сынок. Папа наш еще одумается, просто он немного погорячился. Мы справимся, ты и я. Я всегда буду рядом.

Завтра пятница, мне нужно сдать анализы и съездить на работу. Я поставила будильник на семь утра, чтобы успеть подготовиться и не опаздывать. Мама уходит на работу раньше, поэтому я смогу спокойно собраться. К восьми тридцати буду на месте.

После этого меня ждут два выходных дня. Как же их пережить?

Приняла лекарство, которое прописал мне доктор. Он такой замечательный, сочувствующий и внимательный. Его профессионализм и забота вселяют в меня уверенность. Он — настоящий мужчина, который никогда не бросит свою жену из-за какой-то путаницы с пробирками. Ведь это не моя вина, и я не должна нести ответственность за чужие ошибки.

Утром я проснулась с легким чувством тревоги, но, увидев солнце за окном, улыбнулась. В больнице мне повезло: я быстро сдала анализы и сразу уехала на работу, с которой уходила в декрет.

Я могла бы позвонить и попросить разрешения забрать вещи, но мне необходимо было почувствовать себя нужной, ощутить этот ритм жизни. В сумке лежала тонкая курточка, но я решила обойтись без нее, наслаждаясь теплом весеннего дня.

Выйдя из трамвая, направилась к офисному зданию. Охранник на входе приветливо кивнул, и я, улыбнувшись, вошла в лифт. На этаже царила привычная суета, но я чувствовала себя здесь как дома. Коллеги, заметив меня, улыбались, и я не удержалась в ответ. Работа, пусть и рутинная, была моей отдушиной, здесь я могла отвлечься от мыслей о будущем и просто жить.

Я подошла к своему столу, где лежали мои вещи. Взяв их, почувствовала легкую грусть: не скоро я вернусь сюда уже как сотрудник. Теперь у меня будет другая ответственная должность — мама. Но эта мысль не омрачала моего настроения.

Взглянула в окно. Весна в этом году пришла рано, и парк за окном уже зеленел. Мысль о том, что скоро я смогу гулять с сыном в этом парке, согревала мое сердце. Я представила, как мы будем сидеть на лавочке, как сыночек будет смотреть на птиц, а я буду держать его маленькую ручку в своей.

Вернулась к своим делам, но мысли о будущем не покидали меня. Я скучала по работе, но еще больше я скучала по ощущению стабильности, по чувству, что я нужна здесь. Пусть это было лишь на время, но я ценила эти моменты.

Собрав все в пакет, ушла в сторону бухгалтерии.

Я смотрела на молодую помощницу главного бухгалтера компании. Она выглядела растерянной и напряженной, словно столкнулась с чем-то, что выбило ее из колеи. Начальница уехала по делам, оставив ее разбираться с моими документами. Девушка неуверенно открыла программу и начала искать меня в списках. Ее пальцы дрожали, когда она вводила данные, а глаза бегали по экрану.

Наконец, она нашла мои перечисления, которые были сделаны еще полтора месяца назад. Отпускные, декретные выплаты и две недели больничного — все это было указано в программе.

— Вы ошиблись, — сказала я, стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри меня нарастала тревога. — Мне перечислений не было.

Я открыла банковское приложение на телефоне и показала ей дату платежа, там было пусто. Сердце билось быстрее, когда я видела сумму перевода — почти двести тысяч рублей. Это была огромная сумма, которая могла изменить мою жизнь.

— Давайте проверим, куда ушли деньги, — произнесла девушка, ее голос дрожал. Она явно волновалась, и я не могла понять почему. Для нее это должна была быть обычная рутина, но что-то явно пошло не так.

— Проверяйте, — сказала я, стараясь скрыть тревогу. —

Сумма для меня очень большая.

Девушка кивнула и начала вводить данные. Она быстро сверяла цифры, ее лицо становилось все более напряженным.

— Вот номер счета, — наконец произнесла она, указывая мне на данные. Я открыла информацию о своей карте и начала сравнивать цифры.

— Это не мой номер счета, — сказала я твердо, стараясь не показывать волнения. — И я его не меняла с того момента, как устроилась сюда. Это ваша ошибка!

Девушка посмотрела на меня, ее глаза были полны сожаления и растерянности. Она явно не ожидала, что ситуация обернется таким образом.

— Простите, я сейчас все проверю, — сказала она, быстро набирая что-то на клавиатуре.

Я села на стул, чувствуя, как внутри меня нарастает напряжение. Что, если это не ошибка? Что, если кто-то пытается меня обмануть?

Дверь открылась, и в кабинет вошла Нина Валентиновна, главный бухгалтер. Ее лицо озарилось улыбкой. Она поспешила ко мне, крепко обняла, как будто пытаюсь поддержать.

— Ксения! Какими судьбами? — произнесла она, отстраняясь и заглядывая мне в глаза. — А чего это ты такая бледная? Что-то случилось?

— Да вот, пришла узнать, почему мне не выплатили деньги, — ответила я, чувствуя, как внутри нарастает беспокой-

ство. — Девушка говорит, что выплата должна была прийти на другой счет. Но я не меняла реквизиты, ничего не понимаю...

Нина Валентиновна нахмурилась, отстранила помощницу, которая стояла рядом, и села за компьютер. Ее пальцы быстро забегали по клавиатуре, а взгляд стал сосредоточенным.

— Что? — переспросила она, не отрываясь от экрана. — Я подписывала все платежи, ничего нового не видела. Сейчас посмотрим, кто и когда менял номер счета, и чей это счет! — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Не переживай, Ксения, я разберусь. Это, наверное, какая-то ошибка.

— Было бы хорошо, — устало откинулась на спинку стула.

— Анна, вот я вижу, что есть смена счета, по личному заявлению, но я не подписывала его. — Найди бумажную версию! — скомандовала женщина помощнице.

Та быстро направилась к шкафу, достала папку с документами и принялась перебирать бумаги. Ее руки слегка дрожали, но она старалась не подавать виду, что нервничает.

— Вот, — она протянула женщине заявление.

Нина Валентинова надела очки и внимательно посмотрела на документ. Ее лицо стало серьезным и сосредоточенным. Она изучала каждую строчку, каждую закорючку.

— Так, — наконец произнесла она, — во-первых, это не моя подпись, хотя печать оригинальная. Второе... — она

подняла глаза на Анну. — Это твоя работа?

Девушка опустила голову и нервно сглотнула. Ее глаза наполнились слезами, она молчала, не зная, как объяснить свою ошибку.

— Начальника безопасности сюда, — холодно приказала Нина, подняв трубку внутреннего телефона. — Пусть он разбирается, зачем ты это сделала.

— Я объясню! — воскликнула Анна, разрыдавшись. — Пришел ее муж, сказал, что карта потеряна, и надо срочно поменять номер счета! А вас не было...

Нина нахмурилась, но не стала перебивать девушку. Она внимательно слушала, но в ее взгляде читалось явное недовольство.

— И какое право ты имела подделывать документ? — спросила она, глядя на Анну с суровым выражением лица. — Ты понимаешь, что это серьезное нарушение?

— Я не думала... — прошептала девушка, заливаясь румянцем стыда.

— Мозгов нет, поэтому и не думала! — резко ответила Нина. — Ксения, ну ведь перечисления ушли мужу, все нормально? Тут его имя и все данные, — добавила она, глядя на экран компьютера.

Ее голос был спокойным, но в нем чувствовалось напряжение. Она понимала, что начальство не будет в восторге от этой ситуации, и ей придется как-то выкручиваться. Сердце колотилось в груди, как бешеное, а ладони предательски

вспотели.

— Мой муж выгнал меня из дома и подал на развод, — выпалила я, стараясь держать себя в руках, но внутри все клокотало от боли и обиды. — Я осталась без средств к существованию...

Бухгалтер нахмурилась, но постаралась сохранить невозмутимый вид. Я почувствовала, как внутри меня поднимается волна гнева.

— Но формально он еще твой муж! — попыталась выпутаться из неприятной ситуации она, но ее слова прозвучали неубедительно.

— Формально? — я горько усмехнулась, сдерживая слезы. — Но я не просила перечислять эти деньги ему!

Голос мой сорвался на крик, на глаза навернулись слезы. Внутри меня все разрывалось от боли и несправедливости. За что со мной это происходит? Почему все вокруг так жестоки?

Бухгалтер попыталась меня успокоить, но ее слова звучали неубедительно. Меня охватила паника.

— Все последующие выплаты будут на твой счет. Это я возьму под свой личный контроль, — она пыталась говорить как можно мягче. — Но те деньги... я не смогу вернуть.

Меня словно ударили под дых. Внутри все сжалось от боли.

— Вы украли деньги у меня и у моего ребенка! — не выдержала я, голос мой дрожал от слез. — Вы все предатели!

Я вскочила со стула и выбежала из кабинета. Девушки из отдела подскочили ко мне, кто-то набирал номер скорой помощи. Нина Валентиновна поддерживала меня под руку, что-то говорила, пытаясь увести меня из офиса.

Меня внезапно начала накрывать темнота. Сознание наконец-то решило, что потрясений слишком много для одного дня. Я почувствовала, как теряю равновесие, и упала на руки Нины Валентиновны. Мир вокруг меня погрузился в тишину и темноту.

Глава 4

— Ксения... — меня аккуратно будили, знакомый теплый голос, словно лучик света, пробивался сквозь пелену тяжелого сна. Внутри меня как будто медленно таял лед отчаяния от его внимания.

— Доктор? — с трудом открыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на его лице. Даниил Викторович стоял рядом, его взгляд был полон беспокойства и сочувствия.

— Вы в больнице, в отделении патологии беременных. Мы делаем все возможное, чтобы сохранить вас и ребенка. Роды вроде бы удалось остановить... Но вот что делать с вами? — он присел на стул.

Я тяжело вздохнула, пытаюсь сдержать подступающие слезы.

— Не знаю... — прошептала, прикрывая глаза. — Моя жизнь так резко изменилась. Я не знаю, как мне быть дальше.

Даниил Викторович молча взял мою руку в свою и крепко сжал теплыми пальцами, как будто он пытался передать мне свою уверенность.

— Ксения, вы не одна. Мы здесь, чтобы помочь вам. Вместе мы справимся.

Эти слова, сказанные с такой искренностью, заставили меня на мгновение забыть о боли и страхе. Я почувствовала, как в груди теплеет, словно надежда начала возвращаться.

— Спасибо... — прошептала, не открывая глаз. — Мне нужно немного времени, чтобы все это осознать.

Он кивнул, не отпуская мою руку.

— У вас есть столько времени, сколько вам нужно. Главное — держитесь, и мы сделаем все возможное.

В этот момент я осознала, что, несмотря на все трудности и одиночество, я не одна. Рядом были люди, готовые поддержать меня. Их забота и тепло согревали душу, придавая сил.

— Надо позвонить маме, — всхлипнула я, утирая слезы.

— Я уже ей ответил на звонок вашего телефона, она в курсе и скоро придет, — мягко сказал он, положив руку мне на плечо.

— Хотя кто-то остался рядом... — прошептала я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Мама — единственный близкий человек. Муж предал, клиника ошиблась... — слезы снова хлынули потоком.

— Ксения, а если бы вы узнали, кто отец ребенка? Может, он бы вам помогал? — спросил он, глядя мне в глаза.

Я посмотрела на него, пытаюсь осмыслить эти слова. Внутри бушевала буря эмоций: обида, гнев, разочарование.

— Зачем мне чужой человек, которого я даже не знаю? — ответила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все кипело. — Нет, мне это не нужно!

Он нахмурился, его взгляд стал серьезным.

— И все же? — повторил он, ожидая ответа.

Я закрыла глаза, стараясь унять дрожь в руках и успоко-

ить дыхание. Внутри бушевал ураган эмоций: боль от предательства, гнев на мужа, решимость доказать, что справлюсь сама. Но больше всего — страх перед будущим, перед неизвестностью.

— Нет, если муж от нас отказался, то мне никто не нужен, — мой голос звучал твердо, но внутри все дрожало. Я старалась не показывать слабость, глядя ему в глаза. — Этот ребенок мой, и я справлюсь сама.

Он посмотрел на меня с какой-то странной смесью сочувствия и беспокойства. Встал, подошел, осторожно поправил на мне одеяло, словно хотел утешить, но его слова прозвучали холодно и отстраненно:

— Вы сейчас на эмоциях, подумайте. У меня есть такая возможность. Может, он вполне нормальный человек.

Доктор вышел, оставив меня одну в палате. По щекам текли слезы, я сжала кулаки, пытаюсь сдержать их.

Может, он прав? Может, я действительно сейчас не в себе? Но ведь это не просто эмоции. Это моя жизнь, мой ребенок, мое будущее. Что там декретные выплаты? Ерунда по сравнению с тем, что мне предстоит. А мама... Она получает небольшую зарплату, и ей самой нужна помощь.

Но как же тяжело! Слишком много навалилось, слишком много боли и страха. Я не могу мыслить ясно, не могу принимать решения. Мне нужен совет, нужна поддержка. Кому я могу довериться? Кому рассказать о том, что происходит? Только маме...

Я медленно встала с кровати, чувствуя, как дрожат ноги. Подошла к окну, посмотрела на улицу. Огни вечернего города мерцали, как далекие звезды. В голове крутились мысли, но ни одна не приносила ясности.

— Детка, — в палату заглянула мама, держа в руках сумку с вещами. Ее лицо было уставшим, глаза — покрасневшими от недосыпа, а волосы — слегка взъерошенными, как будто она только что вернулась с работы.

Одного взгляда на нее хватило, чтобы мое сердце сжалось от жалости. Проблемы со мной добавили ей не только хлопот, но и стресса. А теперь, если выяснится, что я еще и без денег, это может стать для нее последней каплей. Я знала, что пока не стоит говорить ей о том, что Костя лишил меня всех накоплений.

— Просто стало плохо, в офисе было очень душно! — со-
врала я, стараясь говорить как можно убедительнее.

Мама поставила сумку на стул, подошла ко мне. Ее руки дрожали, когда она начала проверять мой пульс, а взгляд был полон беспокойства.

— Точно? Ты выглядишь очень бледной, — спросила она, заглядывая мне в глаза.

— Да, мам. Просто много плачу, наверное, давление или нервы... — попыталась я придумать наиболее правдоподобное оправдание.

— Знаешь, будет лучше, если ты лежишь в больнице под присмотром врачей! — сказала она, обнимая меня. — Я

за тебя очень волнуюсь.

— Прости, мама... Ты иди домой, отдохни. Уже вечер, а ты с работы. Я не хочу, чтобы ты здесь оставалась, — тихо сказала я, стараясь не показывать, насколько мне больно.

— Завтра с утра зайду, принесу покушать, — ответила мама, стараясь не показывать мне, как она сильно беспокоится. — Сейчас принесла только фрукты, немного бутербродов и чай в термосе.

Она сделала вид, что не услышала моих слов, и начала распаковывать вещи. Достала мою пижаму, аккуратно сложила ее и помогла мне переодеться. Затем натянула на ноги теплые носки, обула тапочки. Халат положила на стул рядом с кроватью.

— Я вернусь завтра утром, — пообещала, наклонившись ко мне и поцеловав в лоб. — Все будет хорошо, я уверена.

Когда она вышла из палаты, я закрыла глаза и почувствовала, как слезы снова наворачиваются на глаза. Я знала, что ей сейчас тяжело, но не могла позволить себе показать слабость. Я должна была справиться сама, ради нее.

Проснувшись утром, я почувствовала странное облегчение. Решение, которое казалось мне непосильным, теперь выглядело единственно верным. Как бы тяжело мне ни было, мы справимся сами. Я не могла позволить себе зависеть от человека, который мог в любой момент изменить свои планы. А что, если он решит, что ребенок только его? Вдруг он заберет сына? Я не могла допустить, чтобы это произошло.

В палату заглянул доктор. Он выглядел уставшим, но его присутствие всегда приносило мне немного спокойствия.

— Ксения, как вы? — спросил он с дежурной улыбкой.

— Хорошо, — ответила я, стараясь говорить ровно, хотя внутри все дрожало.

— Это прекрасно, — кивнул он. — Чуть позже вернусь с обходом. Если что-то понадобится, не стесняйтесь просить медсестру вызвать меня.

Внутри меня разлилось тепло. Его забота была важна для меня, особенно в такие моменты. Я знала, что могу на него положиться.

Даниил Викторович вышел из палаты, и я снова осталась одна. Но теперь я чувствовала себя немного сильнее. Мне нужно было подождать родов. Там, с первыми выплатами, я смогу обеспечить малыша всем необходимым. Для него уже было куплено почти все: одежда, игрушки, даже коляска. Мама старалась помочь мне изо всех сил.

Отец Кости, напротив, полностью отстранился. Он был занят своим бизнесом, считая, что сын должен всего добиваться сам. Но потом, когда я уже начала думать, что все наладилось, он резко изменил свое мнение, затребовав внука.

Процедуры, завтрак и врачебный обход немного отвлекли меня от мыслей. Я старалась не думать о будущем, но оно, как тень, преследовало меня. В голове звучали вопросы: как я буду одна? Смогу ли справиться? Что скажут люди?

Потом пришла мама. Она принесла мне домашнюю вы-

печку и пару контейнеров с обедом и ужином. Она сложила все в пакет, подписала его и унесла в коридор, в общий холодильник. Ее движения были такими привычными, такими родными.

— Мам, когда ты все успеваешь? — спросила я, удивляясь ее энергии и силе.

— Доча, все как обычно, — ответила она, присела на кровать и вздохнула. — Встала с утра, и все как-то само собой сделалось. Даже не планировала ничего, просто хотела тебя порадовать.

Я кивнула, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. Мама всегда знала, как меня поддержать.

— Ксюша, я бы хотела тебя попросить... — она замялась, и я испугалась. Наверняка речь пойдет о деньгах, а их нет...

— Мам, продай вот это, я не хочу его больше носить! — я быстро стянула с себя обручальное кольцо и протянула ей. — Оно с бриллиантом, наверняка не дешевое!

Мама растерянно приняла кольцо, сунула его в кармашек сумки.

— Ты уверена? — спросила она, и я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается волна облегчения.

— Да, — сказала я. — Это кольцо напоминает мне о том, чего у меня больше нет.

— Я хотела тебя попросить не искать отца ребенка, — продолжила она, и я замерла. — Давай мы справимся сами? На роды я возьму отпуск, первый месяц буду рядом. Мы

справимся, Ксюша. Я обещаю.

Ее слова были как теплый плед в холодный день. Слезы текли по моим щекам, но на этот раз это были слезы благодарности и облегчения. Мама всегда была рядом, и я знала, что она никогда не оставит меня одну.

— Я и не собиралась, правда! — стало стыдно за вчерашние мысли. Я, конечно, была в отчаянии, но все же сомневалась в своих силах.

— Это хорошо, — облегченно выдохнула она, улыбаясь. — Сегодня займусь залом, давно откладывала. А то внуку места не будет среди бабкиного барахла!

— Мам, может, не нужно? — растерялась я, чувствуя, как внутри все сжимается. — Зачем тебе что-то менять?

Она всплеснула руками и вздохнула, в ее глазах мелькнула смесь раздражения и грусти.

— Приехали! Я только и ждала весомого повода для этого. Все думала: мне же не мешает, значит, не нужно трогать! Но теперь-то я вижу, что это действительно необходимо!

— Если будет тяжело, может, подождешь меня? — с надеждой спросила я, чувствуя, как мое сердце сжимается от волнения.

— Ага, чтобы ты опять съехала в больницу? — она покачала головой, и в ее голосе прозвучала горечь. — Мне это полезно, руки будут заняты и мысли тоже. Да и ты, наконец, поймешь, что я тоже могу что-то делать!

— Да я поняла, извини, — стало стыдно. Мама мне помо-

гает, а я лезу со своими предложениями.

— Все, я пошла, отдыхай! — она обняла меня и ушла.

Я решилась посмотреть в телефон, который был на беззвучном режиме еще со вчерашнего дня. На экране мигали уведомления, и я, задержав дыхание, провела пальцем по экрану. Прочитала несколько сообщений, пока не нашла то, что заставило меня остановиться. Это было сообщение от Дианы, офис-менеджера из моей компании. Мы с ней хорошо ладили, и я была приятно удивлена, что она написала мне.

Мы давно не виделись, и я немного растерялась. Но потом до меня дошло: она хотела навестить меня в больнице.

Почему бы и нет? Я давно не общалась ни с кем из друзей, и это могло бы стать хорошей возможностью отвлечься. К тому же мне всегда было интересно узнать, как справляться с двумя маленькими детьми, особенно если они погодки. Диана всегда говорила о них с таким энтузиазмом, что мне казалось, будто я знаю ее малышей лучше, чем кто-либо.

Я быстро набрала ответ: «Буду рада тебя увидеть! Приезжай в больницу завтра. Адрес и часы приема написала». Я отправила сообщение и почувствовала, как внутри меня разливается тепло. Мне было приятно, что кто-то хочет увидеть меня, несмотря на все трудности, которые я сейчас переживала.

Но не только это сообщение привлекло мое внимание. Среди уведомлений было еще одно от незнакомого номера.

Я нахмурилась и открыла его. В сообщении была просьба о встрече, но никаких деталей или намеков на то, кто это мог быть. Я даже не знала, стоит ли отвечать на такое сообщение.

Я колебалась, но потом решила, что не буду тратить на это время. Просто удалила сообщение и попыталась забыть о нем. Не нужны мне сейчас новые волнения. Я погладила свой живот: внутри меня шевелился сын. Малыш пинался, и это было так приятно. Я улыбнулась, чувствуя, как тревога отступает.

На УЗИ сказали, что мой мальчик весит уже больше трех килограммов. Это означало, что к родам он еще подрастет, и мне придется привыкать к новым ощущениям. Но я была готова. Я знала, что это будет нелегко, но я справлюсь, ведь у меня уже есть поддержка в лице мамы.

Я снова улыбнулась и закрыла глаза. Кажется, я начинаю приходить в себя.

Глава 5

День прошел настолько спокойно, что я была этому откровенно рада. В воздухе витала легкая усталость, но она была приятной, словно после долгого отдыха. Я даже позволила себе немного расслабиться и просто насладиться моментом. Поэтому, когда наступила ночь, я уже с нетерпением ждала свою гостью, которая обещала прийти с утра.

Мама забежала на полчаса, принесла еду в пластиковых контейнерах. Она радостно сообщила, что уже начала разбирать стенку, чтобы освободить место. «Закончу все сегодня,» — бросила она и, улыбнувшись, ушла.

— Привет! — в палату заглянула Диана. В ее руках был цветной пакет и стопка журналов. — Я помню, как здесь бывает скучно, поэтому принесла тебе почитать!

Я села на кровати, а ей предложила стул, предварительно убрав с него свой халат.

— Спасибо, наверное, я уже готова «развлекаться», — ответила я, чувствуя, как напряжение покидает меня.

— Это отлично! — Диана внимательно посмотрела на меня, словно изучая каждую деталь. — Как ты?

— Хорошо, кризис мы обошли, идем дальше! — я старалась говорить уверенно, хотя внутри все еще ощущалась легкая дрожь.

— Ты в пятницу произвела что-то в виде взрыва в офисе,

— Диана аккуратно присела на стул, аккуратно пристроив пакет на тумбочку. — Это так, всякие вкусняшки для тебя, — она отмахнулась от моего немого вопроса, словно это было само собой разумеющимся.

Я улыбнулась, принимая пакет. Внутри оказались несколько упаковок печенья, фрукты и что-то еще, что я пока не успела рассмотреть. Диана всегда была внимательна к мелочам, и это трогало меня.

— Спасибо, это очень мило с твоей стороны, — поблагодарила ее. — Так что там за взрыв? — намекнула ей на продолжение интересной для меня новости.

— Во-первых, всю историю с тобой видел директор, который вдруг вернулся на работу, хотя уезжал с расчетом до понедельника. Во-вторых, бухгалтерша не смогла ничего скрыть... Теперь все знают, что ты не получила выплат, потому что новенькая просто подделала документы! — Диана с азартом рассказывала сплетни.

— Честно говоря, я была в шоке. Вот так легко можно перевести деньги кому-то еще, без личной подписи! — возмутилась я, начиная немного волноваться. Почувствовала, как внутри меня что-то сжалось.

— Да нельзя, — Диана замахала руками, она была как всегда эмоциональна. — Не могут приходить родственники, знакомые, дети и просто по устному заявлению менять зарплатную карту! Но помощница бухгалтера — любовница заместителя директора...

— Ого... — я почувствовала, как мои глаза расширились от удивления. — И что теперь?

— Да ничего. Увольнять ее никто не будет... Просто тебе возместят потерю, влепят обоим выговор за скандал, ну и все! Но такого позорища от бухгалтерши никто не ожидал. Как она сказала, посчитала, что все останется никому не известным, и никто не обратит на это внимание!

— Мне вернут деньги? — переспросила я, чувствуя, как внутри меня нарастает надежда.

— Да. В ближайшие платежи. У нас как раз аванс скоро! — Диана ободряюще улыбнулась.

Я улыбнулась в ответ, но в глазах стояли слезы. Внутри было тепло оттого, что рядом Диана меня поддерживает.

— Это самая хорошая новость за последнее время... — прошептала я, чувствуя, как тяжесть на сердце чуть отступает.

Диана сжала мою руку, ее глаза блестели от волнения.

— Расскажешь, что там с твоим мужем? Зачем он это сделал? — она подалась вперед, ее голос дрожал от нетерпения.

Я вздохнула, чувствуя, как внутри снова поднимается тоска.

— Я во всем этом еще не разобралась, если честно... — призналась, опуская взгляд. — Все так сложно. Костя предал меня... Изменил, выгнал из квартиры... — я вытерла со щеки одинокую слезу, которая обжигала кожу.

Диана нахмурилась, ее лицо исказилось от шока.

— А ребенок? — тихо спросила она, будто боясь услышать ответ.

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Клиника ЭКО ошиблась с материалом. Костя — не отец... И он забрал все деньги. Сначала выплаты, а потом и все, что вернула клиника. Хотя платила за все я... — слова давались с трудом, будто каждое из них ранило меня заново.

Диана молчала, ее взгляд был полон сочувствия.

— Это... странно, — наконец выдохнула она, качая головой.

— Это не то слово, поверь, — я слабо улыбнулась, в груди разливалась горечь. — Я только сегодня начала отходить. Ну, то есть просто перестала рыдать без конца. А так... пока на успокоительном.

Диана взяла меня за руку. Она сжала мою ладонь чуть сильнее, будто передавая мне часть своей уверенности.

— Ты справишься, — тихо прошептала она, ее голос звучал мягко, но твердо. — Ты не одна, — повторила, словно хотела, чтобы эти слова отпечатались в моей памяти. — Нужно думать о ребенке. Он нуждается в тебе, и ты должна быть сильной.

Я подняла взгляд на Диану. Ее глаза, обычно полные тепла и доброты, сейчас казались особенно глубокими.

— Все будет хорошо, — повторила Диана, ее голос звучал твердо, как будто она пыталась убедить не только меня, но и

саму себя. — Да и пословицу, что земля круглая, никто не отменял!

Я кивнула, хотя понимала, что это легче сказать, чем сделать. Но ее слова, ее присутствие давали мне силы, которых мне так не хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.